

ДЖОН ДОУ

Джон Доу¹.

Неизвестный пациент.

В то утро я видел его в первый и последний раз. Все началось в Starbucks на углу Второй улицы и Мейн-стрит.

Мне хочется представить, как он открывает дверь, останавливается на мгновение и начинает стряхивать снег с обуви на тротуаре. А может быть, он соскребает снег с ботинок о стальной порог двери — вероятно, даже дважды. А потом он делает глубокий вдох, выпрямляется и входит, как к себе домой.

Я буквально вижу это мысленным взором.

¹ Джон Доу (John Doe) — англоязычный аналог Ивана Ивановича Иванова — анонимный или малозначительный персонаж. Термин происходит из англосаксонского права, так называли анонимную мужскую сторону судебного процесса. В больницах англоязычных стран так обозначают пациентов, имена которых по каким-то причинам неизвестны. Женский вариант — Джейн Доу. (Примеч. ред.)

Мужчина встает в очередь за другими посетителями. В кафе пахнет кофе и теплыми булочками с корицей. Для того, кто ничего не ел три дня, это настоящая пытка. В животе мужчины заурчало. Он шумно сглотнул, стараясь не смотреть на стеклянные витрины с глазированными пончиками, посыпанными ореховой стружкой золотистыми круассанами и аппетитными сэндвичами.

Он стянул шерстяную шапку и смял ее в руках. 6:14 утра, понедельник. В это время кафе — самое оживленное место города. Мужчина молча стоял в очереди, слушая, как другие покупатели делают заказы.

— Двойной капучино с молоком и сахаром. Без сливок.

— Два сэндвича с беконом, сыром и яйцом, два больших кофе и... вот эту булочку... да, да, эту...

Палец с кольцом постукивает по стеклянной витрине. Пышная булочка размером с теннисный мяч исчезает в коричневом бумажном пакете с изображением русалки.

Женщина стояла в очереди прямо перед ним. На ней был облегающий брючный костюм, абсолютно черный — полная противоположность снегу за окном. Длинные прямые русые волосы лежали на узких плечах. Мужчина сделал вдох и чуть не закашлялся. В нос ему ударил запах ягодно-ванильного шампуня. Странно было чувствовать такой запах

люди скорой

после месяцев, проведенных у дымных костров и в грязных приютах для бездомных.

Мужчина отступил назад, стараясь дышать ртом и не обращать внимания на женщину. Поначалу она тоже не обращала на него внимания. Ожидая своей очереди, она бездумно листала ленту Facebook.

Но запах ее волос не давал мужчине покоя. Он уткнулся носом в рукав и чихнул.

— Будьте здоровы, — машинально произнесла женщина, обернулась и взглянула на мужчину поверх своего телефона.

Если бы в этот момент ее сняли на видео, например, со скоростью шестьдесят кадров в секунду, а потом прокрутили назад на замедленной скорости, вы заметили бы, как на долю секунды она вздернула верхнюю губу, раздула ноздри и откинула голову назад. Классическое выражение отвращения. Но уже через миллисекунду это выражение сменилось прежним безразличием. Пустой взгляд явственно говорил мужчине: «Не отвечай мне!»

Мужчине не было до этого дела. Он смотрел прямо, ожидая своей очереди, словно был обычным покупателем, торопящимся получить чашку кофе. Он позвякивал мелочью в кармане — может быть, сознательно, а может, и нет — и все вокруг знали, что у него есть деньги. Он не нищий, даже если одет как нищий. По крайней мере, он так думал.

При таком количестве покупателей очередь должна была бы двигаться вперед довольно быстро. Но она не двигалась. К несчастью для всех, включая бариста, это был ее первый день работы в Starbucks. Обычно новых сотрудников не ставят на самостоятельную работу в первый же день. Но ее коллега осталась дома, не в состоянии расстаться с фаянсовым другом после бурного девичника накануне.

Не поймите меня неправильно. Новая девушка старалась изо всех сил. Но одного лишь старания недостаточно. По крайней мере, в Starbucks. По крайней мере, в понедельник утром. Что бы она ни делала, все было неверно — или так казалось. С каждой ошибкой она нервничала еще больше — и делала все больше ошибок.

— Добро пожаловать в Starbucks, что для вас? — спросила она у очередного покупателя.

Голос у нее дрожал. На лице и шее выступили красные пятна. Она записала заказ в блокнот и начала работать. Через две минуты она поставила на стойку поднос с тремя стаканами.

Хорошо одетая домохозяйка в объемном пуховике подняла крышечки со стаканов, наклонилась вперед и заглянула.

— Я сказала два фрапучино с обезжиренным молоком и один без, — она с отвращением толкнула стаканы назад к бариста. — Это не то, что я заказала.

люди скорой

Бариста пробормотала извинение и принялась за работу. Зарычали кофеварки. Покупатели в очереди нахмурились еще сильнее. Все принялись смотреть на часы — в десятый раз за десять минут. Было уже 6:41. Все, кому нужно было явиться на работу к семи, начали нервничать. Но никто не уходил — пока. Кое-кто принялся строчить сообщения боссам, что задержится. Другие оборачивались на окно, за которым сыпал снег, и пытались рассчитать, с какой скоростью можно будет поехать, чтобы попасть на работу вовремя. Ни у кого не было времени. Как всегда в понедельник утром.

Только мужчина стоял спокойно, рассеянно глядя перед собой. Капля пота выступила на лбу, прямо на линии роста волос. Он позвякивал мелочью в кармане.

— Нет, я сказала, *двойной* капучино с обезжиренным молоком *без сахара*, — раздраженно произнесла женщина, стоявшая перед ним. Каждое ее слово звучало, как пощечина.

Девушка покраснела и выплеснула идеальный кофе в раковину. Раздалось ворчание и постукивание пальцев. Засверкали раздраженные взгляды. Один посетитель не выдержал: с драматичным вздохом раздражения он нагнулся, поднял свой портфель и вышел, громко хлопнув дверью. В очереди закивали. Это было ужасно. Ожидание казалось вечностью. И вот настала очередь мужчины.

— Добро пожаловать в Starbucks. Извините, что пришлось ждать. Что для вас? — спросила бариста, даже не замечая, что перед ней бездомный.

— Пожалуйста, вызовите мне скорую помощь, — сказал мужчина. — Я подожду на улице.

И с этими словами он повернулся и вышел, пройдя мимо двадцати покупателей. Кое-кто с любопытством посмотрел на него, гадая, почему он ждал в очереди, чтобы просто сказать что-то бариста. Но они мгновенно забыли о нем, переключившись на очередь.

Бариста не знала, как поступить. В служебной инструкции об этом не говорилось. Но мужчине нужна была скорая помощь. Девушка подняла трубку, набрала 911 и вызвала скорую в Starbucks на углу Второй улицы и Мейн-стрит. Нет, причины она не знает. Да, она работник. Нет, она не может оставаться на линии. Она повесила трубку и заставила себя улыбнуться следующему хмурому покупателю.

— Добро пожаловать в Starbucks. Извините, что пришлось ждать. Что для вас?

— Он словно такси ждал, — рассказал мне в приемном покое медик. — Он просто сидел на сугробе на обочине дороги, и снег сыпал ему на голову. Когда мы подъехали, он поднялся и помахал нам, — медик покраснел. — Я подумал, что он вызвал нас, просто

люди скорой

чтобы попасть в тепло. Без особого повода — просто в тепло.

Но медик ошибся. Повод был.

Мужчина встал прямо перед машиной скорой помощи, так, чтобы водитель его видел, и постучал себя по груди, показывая, что ему больно. Медик нахмурился. Мужчина тоже нахмурился. Он еще раз постучал себя по груди — и рухнул замертво.

Теперь он был со мной. С нами. В приемном покое. Безымянный пациент. Джон Доу.

— Еще миллиграмм эпинефрина, — сказал я, глядя на часы.

Он был здесь уже три минуты, еще шесть минут ехала скорая, и еще пять минут медики реанимировали его на заснеженной улице перед Starbucks. Его сердце остановилось четырнадцать минут назад.

— Прекращаем реанимацию, — скомандовал я.

Пальцы мои скользнули под его бородой, пытаюсь нащупать пульс на шее. Пульса не было. Я посмотрел на монитор. Идеальный синусовый ритм — словно тамбурмажор отбивает такт оркестру. Так и должно быть — но оставалась одна проблема. Пульса у пациента не было.

— Электрическая активность без пульса, — громко произнес я.

Я сказал это себе, своей команде или просто в никуда. Электрическая активность без пульса — это

электрическая активность сердца без активности мышечной. Сигнал проходит через желудочки и предсердия, побуждая сердце сокращаться и качать кровь, но мышечная ткань не реагирует.

На мониторе отражались удар за ударом. Зажигалка сердца щелкала снова и снова, пытаясь запустить орган, прежде чем он умрет от недостатка кислорода. Кажется, мужчина изо всех сил дергает шнур электромотора цепной пилы. Дерево упало ему на ногу, пригвоздив его на месте. Он попал в ловушку на пустой железной дороге, и поезд несется прямо на него. Поезд свистит, отчаянно тормозит, искры сыплются из-под колес. Машинист пытается остановить состав, но безуспешно. Скорость слишком велика. Пять тысяч тонн невозможно остановить быстро — даже если на путях лежит человек.

Поезд свистит, рельсы начинают вибрировать. Мужчина удваивает свои усилия. Он изо всех сил тянет шнур пилы, чуть не вывихнув плечо. Он тянет снова и снова. Он — синоатриальный узел Киса-Фляка, ткань, где зарождается электрический сигнал сердца. Он умоляет: «Пожалуйста, заведись! Господи, да заведись же ты!» Он снова тянет. Пила дергается и замирает. Дергается и замирает. Как сердце при электрической активности без пульса. Как сердце моего пациента.

— Продолжаем реанимацию, — скомандовал я.

Медбрат начал снова. Мышцы его напрягаются. Он надавливает на грудь пациента, пытаясь завести

люди скорой

его неработающее сердце. Каталка содрогается при каждом сжатии. Позвякивают боковые поручни.

— Документов нет, — сказала за моей спиной медсестра.

Я обернулся. Сестра пожала плечами. На ней голубые перчатки. Она осматривает одежду, снятую с пациента. Брюки у него грязные и мокрые — падая в снег, он потерял контроль над мочевым пузырем. Это камуфляжные штаны, старые, потрепанные, с крупными черными, зелеными и коричневыми пятнами. Такие штаны можно купить в благотворительном магазине, когда можешь потратить на одежду не больше восьми долларов.

Сестра встряхнула штаны, и по полу рассыпались монеты. Они закатились под кровать, под стойку, выкатились в коридор и скрылись за углом, как напуганные мыши. Звон монет заполнил пространство. Станный звук на фоне мерной работы монитора. Одна монетка подкатилась ко мне и остановилась, ударившись о мой ботинок. Я не стал ее подбирать.

— Прекращаем реанимацию, — произнес я и посмотрел на монитор.

Та же картина. Стартер запускает мотор, сердце дергается и останавливается. Ничего не происходит.

— Продолжаем реанимацию. И еще один эпинефрин. — Я задумался и добавил: — И миллиграмм атропина.

В реанимации есть строгие правила, алгоритмы и таблицы. За пятьсот долларов нас целыми выходными обучают, какие препараты и в какой последовательности вводить во время реанимации.

Но после сотни или пяти сотен реанимаций понимаешь, что чаще всего разницы нет. Все это делается, чтобы почувствовать, что ты что-то делаешь. Что ты сделал все. Не поймите меня превратно: я следую правилам. Я ввожу препараты в нужной дозировке в точно установленное время. Я действую так, словно это что-то изменит. И неважно, что ничего не меняется.

Но где-то после пятисотой или тысячной реанимации неожиданно осознаешь: тот, кому суждено жить, выживает. Тот, кому суждено умереть, умрет.

Я посмотрел на мужчину на столе.

— Прекращаем реанимацию.

Я приложил пальцы к сонной артерии и замер. Прошли секунды. Ничего, даже никаких намеков на пульс.

— Продолжаем реанимацию. Еще миллиграмм эпинефрина.

Я посмотрел на часы. Шестнадцать минут. Электрическая активность на мониторе ускорилаь. Сто двадцать ударов в минуту. Поезд вот-вот переедет мужчину на рельсах. Он уже так близко, что видны заклепки на металле локомотива.

люди скорой

Мужчина снова тянет шнур. Пила не реагирует. В смертельном ужасе он понимает, что пила не заведется: в ней нет бензина. И можно не дергать шнур — она не заработает. Но он все равно тянет в последний раз. Потому что поезд близко и нужно что-то делать.

— Есть родственники? — я с надеждой посмотрел на медиков. — Или друзья, которые могли бы его опознать?

Переглянувшись, они синхронно пожали плечами.

— Ничего? Ни документов, ни прав, ни кредитной карты? — спросил я у сестры.

Она расстегнула нагрудный карман фланелевой рубашки, вывернула его наизнанку, демонстрируя мне полную пустоту.

Я снова повернулся к мужчине. Лицо его наполовину скрывали грязные волосы. Я отвел их в сторону. Поры на лице забиты грязью. На скулах сажа от костров и ночей, проведенных на земле. Кустистые брови тяжело нависли над глазами. Я отвел веко и посветил в глаз фонариком. Зрачок мгновенно сократился, словно заслоняясь от солнца. Значит, мозг еще работает — рефлексы это доказывают.

Я задумался. Он упал на глазах у медиков. Я их знаю. Они не станут терять времени даром. Я знаю, что они сразу же начали реанимацию. А это означает, что кровь не циркулировала в его организме пятнадцать секунд — максимум тридцать. Но реа-

нимация запустила кровоток. Медики вставили ему в горло трубку и наполнили кровь кислородом. Кровь достигла мозга и запустила его, как ветер раздувает угасающий костер. Этот человек все еще жив. По крайней мере, жив, пока мы его реанимируем.

Я смотрел на его лицо, пытаясь представить, кто он. Было понятно, что удача отвернулась от него. На мгновение я задумался, почему он стал бездомным. Всегда бывает нечто особенное, некая последняя капля. Может быть, он потерял работу или любимую женщину. Может быть, любовь к спиртному сделала его алкоголиком, и он не справился с зависимостью. А может быть, все дело в психике — шизофрения, тяжелая депрессия, биполярное расстройство, которое вышло из-под контроля. Что бы это ни было, оно обрушилось на этого человека с такой яростью, что вышвырнуло его из мира, сделав одиноким и никому не нужным. Его швыряло по всей стране и принесло сюда, в третью палату приемного покоя.

Я дождался, когда препараты поступят в организм пациента. На курсах говорят, что препараты нужно вводить постепенно, чтобы они сработали. Мы так и поступили. Но потом я задумался. А что если он явился сюда, чтобы все исправить и не быть бездомным? Что если час назад он должен был с кем-то встретиться в кафе? Может быть, с дочерью или сыном, которых он не видел двадцать-тридцать лет? И они почти встретились. Час назад. Всего

люди скорой

час отделял его от прощения, от нового начала. От второго шанса. **Что если он прошел весь долгий путь, чтобы сделать нечто важное, но из-за тревоги, нервов, возбуждения коронарная артерия его сердца разорвалась именно в этот момент?**

И теперь между ним и нормальной жизнью стою только я. Только мы — люди приемного покоя. Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Если задумываться над таким, можно сойти с ума.

— Прекращаем реанимацию.

Пульса все еще нет. Электрическая активность сохраняется. Как же сильно этот человек хочет жить! Как же сильно старается он получить второй шанс!

— Продолжаем реанимацию.

Я повернулся и схватил датчик ультразвука. Я хотел посмотреть на его сердце. Может быть, там скопилась жидкость, и мы можем ее откачать? Иногда (вообще-то почти никогда) вокруг сердца скапливается жидкость, сжимая его все сильнее и сильнее. Отсюда и электрическая активность без пульса. Если так, то мужику повезло. Я могу откачать жидкость через иглу и вернуть его в этот мир. Перикардиоцентез. Когда давление жидкости ослабеет, мышцы снова заработают, словно цепная пила от новой искры. Рывок — и вот она уже зарычала с такой силой, что приходится зажимать уши.

Я посмотрел на часы. Восемнадцать минут. Поезд уже в футе от человека.

— Прекращаем реанимацию, — произнес я, кладя датчик ультразвука на его грудь.

Я настроил аппарат. На небольшом экране замельтешили черно-белые штрихи. Я чуть-чуть сдвинул руку — и вдруг увидел совершенно отчетливо.

Поезд не остановился.

Слишком поздно.

На ультразвуке я увидел, что сердце его разорвалось. Желудочек — мышца, которая накачивает кровь, разорван. Словно огромный метеорит врезался в планету, расколол ее пополам, и ее магма выплеснулась в космос, атмосфера исчезла, ядро остыло и потемнело. Такой разрыв желудочка случается редко, очень редко. Но случается. Если незалеченный инфаркт оставил на мышце рубец, это слабое место, и в какой-то момент может случиться новый инфаркт.

Я подумал, что рубец на сердце мог появиться в тот день, когда этот человек стал бездомным, двадцать лет назад. Может быть, что-то произошло, что-то настолько ужасное, что он не смог этого вынести. Что-то такое, от чего возникла жуткая, мучительная, невыносимая боль в груди. Инфаркт. Но в тот момент он был слишком несчастен, чтобы заняться собой. Он просто лежал и мечтал о смерти. Но выжил. Боль в сердце ослабела. Он поднялся и вернулся к жизни. Но рана уже была нанесена, и часы начали тикать. Только что эти часы почти остановились. Я убрал датчик и отключил аппарат.

люди скорой

— Продолжаем реанимацию.

Мне нужно было это осмыслить.

— Что вы увидели? — спросил медбрат. Со лба его капал пот.

Мы ничего не могли сделать. Это необратимо. Даже в самом современном кардиоцентре, не говоря про нашу маленькую больницу, затерянную среди пшеничных полей, перфорация миокарда — это смертный приговор.

Я смотрел на человека. Щеки его еще были розовыми. Мозг все еще получал кислород от ИВЛ и массажа сердца. Человек все еще был жив, как вы или я. Но стоит нам прекратить реанимацию, и он умрет.

Меня это поразило. Обычно мы прекращаем реанимацию, когда человек уже умер. Когда перед нами только тело, которое мы изо всех сил пытаемся хлестать, бить, толкать, тянуть и заводить всеми средствами, какие у нас есть. В определенный момент кожа сереет, и мы видим, что человек умер. Но в этот раз все было по-другому. На этот раз я должен был прекратить реанимацию живого человека. С розовой кожей. Такое случилось со мной впервые, хотя на моем счету было уже сорок пять тысяч пациентов.

Вы никогда не видели фильм Найта Шьямалана «Знаки»¹? Там есть сцена, в которой грузовик на-

¹ «Знаки» — фантастический триллер 2002 г., снятый американским режиссером индийского происхождения

езжает на женщину и придавливает ее к дереву. По моему, у нее что-то было и с ногами тоже, но точно я не помню. Помню лишь, что герои фильма понимали: стоит им отогнать грузовик, и она умрет. Но между деревом и грузовиком она жива. Она жива, пока грузовик сжимает ее живот, ее аорту. Шериф привозит на место катастрофы мужа, чтобы он мог проститься. Грузовик не может стоять так вечно. Именно это и происходило с нами сейчас. Наша реанимация — это грузовик, сердце пациента — дерево.

— Перфорация миокарда, — ответил я.

— И что нам делать?

Вопрос на миллион долларов.

Мы ничего не могли сделать для его тела. Но, возможно, мы могли хотя бы выяснить, кто он. Назвать его по имени — в последний раз перед уходом.

Я осмотрел его тело — нет ли на нем каких-то знаков или татуировок, чтобы его можно было опознать. Руки его были покрыты мозолями. Может быть, он пришел сюда издалека. Чтобы добраться сюда, он мыл полы в школе в Техасе. Перетаскивал коробки с бумагой в ночную смену на складе в Теннесси. Собирал картошку под палящим солнцем в Айдахо, и пот скрывал текущие из глаз слезы.

М. Найтом Шьямаланом. В описанном эпизоде погибла жена главного героя фильма, священника Грэма Хесса, которого играл Мел Гибсон. (Примеч. ред.)

люди скорой

— Мы ничего не можем сделать. Абсолютно ничего. Медбрат кивнул, не подозревая о мыслях, которые вертелись у меня в голове.

— Мне прекратить? — спросил он.

Я не ответил. Я поднял одежду этого человека и снова ее перетряхнул. Я ненавижу объявлять смерть Джонов Доу.

Сестра была права. Ничего. Где-то за городом, возможно, припрятан рюкзак, и там лежат документы или блокнот, хоть что-то, что говорит о том, кто этот человек. Но здесь ничего нет. Может быть, входя в город, он не хотел казаться бездомным.

Я взял ботинок. Мысок его совсем прохудился. Как он не отморозил себе ноги? Я перевернул ботинок и потряс его. Ничего. Я взял второй — то же самое.

Я поднял глаза. Сестра и медбрат смотрели на меня. Они работали со мной уже слишком долго, чтобы не понимать моих колебаний. Я снова все просмотрел — нужно было убедиться: мы сделали все для этого Джона Доу. Я взглянул на часы. Тридцать минут реанимации. Я знал, что все это впустую. Он умер еще в тот момент, когда сердце его разорвалось возле Starbucks.

Я понял, что время пришло. Мне хотелось что-то сказать этому человеку. Ведь он еще жив. Следует ли мне сказать, что мне жаль, что мы не смогли его спасти? Или присесть у изголовья и попытаться

объяснить, что его сердце разорвалось, а мы не можем вечно его реанимировать, поэтому должны остановиться? *Если у тебя есть последние мысли, подумай их сейчас.*

Я не сказал ничего. Надеюсь, это было правильно.

— Прекращаем реанимацию.

Вот и все. Прямая линия. Точка в конце последнего предложения на последней странице его книги — книги, которая теперь останется незаконченной.

Мы постояли минуту. Только тихий писк монитора нарушал тишину.

— Джон Доу, — я посмотрел на часы. — Время смерти семь двенадцать.

И до сегодняшнего дня я не знаю, кем был этот человек. Я так и не узнал, что он делал в нашем городе. Коронер и шериф пытались это выяснить, но не смогли. Никаких следов, ключей, сообщений о пропаже человека, которые совпадали бы с его приметам. В конце концов, шериф записал его неопознанным Джоном Доу и закрыл дело.

Думаю, этого человека кремировали, и урна с его прахом нашла свое место на полке колумбария. Может быть, там есть целая полка с Джонами и Джейн Доу. Может быть, даже целый зал. Урны стоят рядом, покрываются пылью в темном подвале. Никто не приходит. Никто не вспоминает. И никто не

ЛЮДИ СКОРОЙ

придет, потому что невозможно узнать, кто они такие — кем они были.

Это проклятие Доу.

Когда-то в горах я наткнулся на старое надгробие, наполовину ушедшее в землю. Это было в страшной глуши, среди сосен. Я бы не заметил этот камень, если бы не присел перекусить, опершись на ствол дерева.

Но когда я сел, он оказался прямо передо мной. Я забыл про свой сэндвич, опустился на колени, смахнул осенние листья и очистил камень от мха, сорняков и земли.

14 июля 1803. Имя на камне стерлось, и разобрать мне удалось лишь несколько букв. Но я знал, кто здесь похоронен. Я вернулся к дереву, взял сэндвич и стал пережевывать его очень медленно, словно деля этот момент с одним из Доу.

В тот день я был на могиле Неизвестного Солдата. Там были похоронены те, кто погиб на войне и чьи имена так и остались неизвестными. Там можно было отдать им последние почести и вспомнить о них, хотя они умерли безымянными.

Могилы же Неизвестного Пациента не существует. Нет могил Джонов и Джейн Доу, которых хоронят во всем мире. В их память не зажигают вечный

Джон Доу

огонь. У них нет почетного караула. Они умирают безымянными и забытыми.

Их становится больше с каждым днем. В приемных покоях, в больничных палатах, в машинах скорой помощи, которые несутся по городским улицам с проблесковыми маячками.

Может быть, это неважно. Может быть, мы вышли из праха и в прах возвратимся, и все это пустое.

Но я так не думаю.

И я воздвиг им памятник.

Он неизвестен. Его почти невозможно найти. Но если вы когда-нибудь будете бродить по горам на юго-востоке штата Вашингтон и найдете небольшую осиновую рощицу с глубоко ушедшим в землю надгробием, не пожалейте времени, чтобы очистить его. А если захотите, постоит там минуту в молчании, сняв шляпу.

Помолитесь за мужчин, женщин и детей, умерших безымянными и одинокими в разных уголках мира. Помолитесь за то, чтобы они нашли свой путь к этому ушедшему в землю надгробию. Чтобы здесь они нашли друг друга, и им стало легче вместе. Чтобы им стало легче от того, что о них не забыли, хотя умерли они безымянными.

Вспомните о них там, у могилы Неизвестного Пациента.